

Наталия ЕЛИЗАРОВА

А КАК ЖЕ ЛЮБОВЬ?

* * *

Ты Слово дал, но всё забрал взамен:
возможность нежной быть и отдающей
себя с лихвой. И страсти дикий плен,
и страх потерь, под ложечкой сосущий.
Глаза детей, которых не рожу,
моих несбывшихся девчонок косы,
их радости, смешные их вопросы,
со сказкой спать я их не уложу.
Ты Слово дал, и этим я горда,
несу его я истинно, как знамя,
ну а меня вперёд несут года,
и мне никак не совладать с годами.
Ты Слово дал, и я его храню
так бережно, так, словно позабуду
и онемею к завтрашнему дню.

* * *

Я так остро тоскую не по тебе —
по нелепым влюблённым моим губам,
шепчущим «приходи» вопреки судьбе.
«Не отдам — обещающим, — не предам!»
По дорогам, дающим зелёный свет,
по вечерним тлеющим фонарям.
То, что тебя сегодня со мною нет,
мне пустые сидения говорят.
Над Москвою разлит колокольный звон,
глядь — и хлопья снега летят с небес.
Люди, люди, люди со всех сторон...
Но ты есть на свете, ведь верно, есть?

* * *

Был Новый год, один из тех ещё,
когда по глупости ждала,
что мама скоро станет тещею,
я окончательно сдалась

на суд твой, выбор, поругание,
на голубые огоньки,
что на деревьях и на зданиях,
на тяжесть и тепло руки,
на взгляд твой — без очков — растерянный,
на голоса гортанный гул,
на рай, что в шалаше иль тереме,
на ветер, что рябину гнул.
И я качалась, словно пьяная,
земля спешила к январю
слепой Снегурочкой румяною
по снежному календарю.

* * *

Та же была Москва, и погода та же.
Только стояли часы у любви на страже:
считали минуты-мгновенья, часы-мгновенья.
И было горенье, было, да-да, паренье.

Все были открыты двери, зелёными все светофоры.
Могла одолеть любые реки, любые горы,
океан переплыть или выпить его до капли.
Ты ведь помнишь всё это, помнишь ещё, не так ли?

Как тогда от чашки отдёрули руки оба.
Как трясло: от холода ль? От озноба?
Как глаза сияли, глаза блестели, а губы пели.
Ты ведь помнишь всё это, помнишь на самом деле?

* * *

А как же любовь?
— Я встречала её,
поутру
капустницей лёгкой порхала она у постели.
И думалось:
если вдруг я внезапно умру,
закроет глаза и положит мне крестик нательный.
Но не умерла — были голод и холод, ворьё
вторгалось в мой дом поживиться огрехами быта.
Любовь ускользала, проблемы пугали её,
а я понимала... и дальше чинила корыто.
Искала того, кто прикрутит сломавшийся кран,

починит машину и полку прибьет в коридоре.
Любовь сожалела, на грудь принимала сто грамм
и дальше порхала вдоль самого синего моря.
С тех пор я всегда по ночам закрываю окно,
чтоб бабочки — мимо, и больше на свет не летели.
И я равнодушно смотрю на иголки в их теле
на стендах и полках в музеях, и мне всё равно.

* * *

Нет жалобы точнее, чем слеза.
Я промолчу, но влагою глаза
набухнут (надо зубы сжать покрепче).
Доверие – обратный антидот:
ты выдал всё, а тот, другой, возьмёт
и больно вдруг встряхнёт тебя за плечи.
О, этот строгий заморозок скул,
он столько оттолкнул или спугнул,
он разве для румян хорош постельных...
Я не заплачу, этого не жди,
утешить сможешь тоже ты один.
Советчики все – прочь в делах постельных.

* * *

Август принёс внезапные холода,
стылые ночи, пронизывающие дожди.
Человек человеку тела тепло отдал,
жаром души приправив, но охладил
август обоих, яркие краски смыв.
К осени всё потеряло и вкус, и смысл.

* * *

Сколько можно уже умирать: распахни глаза
и послушай дождь за окном,
это весна! – ты чувствуешь?!
Важно не то, сказал он что-то или не сказал,
всю свою долю он по сердцам кочует,
по домам чужим, по строфам, перекаати-
поле, такой вот он, переверни страницу.
А безысходности и тоски хватить
на троих могло бы, на пару жизней, посторониться

если б тебе тогда, в сторону отойти,
погулять у реки одной или с кем-то третьим...
Был бы совсем другой коленкор-мотив,
был бы иной конец этой повести,
если б он прошёл стороной и тебя не встретил.

* * *

Не нужно столько, нужно очень мало.
Пока ты рьяно жизнь свою ломала,
другие строили хоромы и миры —
освоили все правила игры.

А ты стоишь на том же перекрёстке
и чувствуешь себя почти подростком.
Но снова отдала бы всё — не ври —
за тот огонь внутри.